
НАУЧНЫЕ
ОБСУЖДЕНИЯ

СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО, ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ И НОВАЯ ЭКОНОМИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

© 2008 г. И. В. Сухинин
(Москва)

1. СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО И ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Концепция *социального воспроизводства*, восходящая к идеям Маркса, получила свое развитие в работах П. Бурдье, Дж. Пассерона, Э. Протесея, Д. Берто и др. Так, Э. Протесей в рамках социального воспроизводства рассматривал целостный непрерывный процесс воспроизводства способа производства и способа потребления рабочей силы, а Д. Берто в своей теории *антропo-номического процесса* единый процесс производства, распределения и использования людей в классовой структуре общества представлял как систему коллективных потоков, питающих социальную стратификацию (Радаев, 1994, 2004). К данной концепции можно отнести и такое направление в экономической теории, как экономика семьи, где ведение домашнего хозяйства и потребительская деятельность признаются особым видом производства. На наш взгляд, можно расширить данное направление в рамках предлагаемого нами нового направления – экономики досуга.

Социальное воспроизводство является одним из подразделений общественного воспроизводства в целом, добавляя к материальному воспроизводству¹ воспроизводство определенных социальных институтов и образа жизни в целом и воспроизводство человека как такового (вернее – как биологическую особь с общественным, в первую очередь трудовым, образом жизни). Данная классификация подразделений воспроизводства в определенной степени аналогична обобщению видов производства по Ф. Энгельсу, где выделяются производство вещей, производство людей и производство идей, а также классификации видов организации по А. Богданову, где выделяются организация человеческих сил, организация внешних сил природы и организация опыта (Богданов, 1989).

Если главным результатом современного общественного воспроизводства можно признать производство капитала в его расширенной, хотя и несколько некорректной, трактовке, то можно представить иную классификацию его подразделений – производство физического капитала и производство человеческого, социального и культурного видов капитала.

Истоки расширительной трактовки капитала просматриваются еще в работах У. Петти, А. Смита, Д.Ст. Милля, Ж.Б. Сэя, Н. Сениора, Л. Якоба, К. Маркса, Ф. Листа, Е. Энгеля, Л. Вальраса, И. Фишера и других экономистов прошлых столетий. В XX в. данная идея проявилась достаточно ярко в рамках теории человеческого капитала в работах Г. Беккера, Б. Вейсброда, Т. Шульца, Дж. Минцера, Л. Хансена, М. Блауга и др. и концепции человеческих ресурсов Э. Флэмхольца, М. Александера, Д. Боуэrsa и др.

Отметим, что в целом в рамках неоклассической экономики традиционная экономическая категория “труд” постепенно поглощается обобщенным понятием “капитал” (Добрынин, 1999). При этом *капиталом* признается любой актив – физический или человеческий, обладающий способностью генерировать поток будущих доходов. Так, согласно И. Фишеру, капитал – любой запас благ, существующий в какой-либо момент времени и представляющий собой единство двух факторов: физического капитала (суммы всех производительных сил) и человеческого капитала (основных качеств рабочей силы: физических, интеллектуальных, психических).

Отсюда, человеческий капитал – как часть капитала вообще – трактуется как совокупность знаний, практических навыков и творческих способностей работников, приложенная к выполнению текущих задач; а также моральные ценности хозяйства, культура труда и общий подход к

¹ Здесь материальное воспроизводство выступает в его традиционном понимании. По мнению автора, другие виды общественного воспроизводства также относятся к материальному воспроизводству.

делу (Сухинин, 2003). Причем можно выделить вещественную (капитал, воплощенный в людях, в том числе издержки на воспитание детей) и невещественную (образование, специальная подготовка, здравоохранение, перемещение рабочей силы) часть этого капитала (Дятлов, 1994).

Вместе с тем в экономической теории никогда не утихали споры по поводу корректности приравнивания человеческих способностей к капиталу. Так, хотя А. Маршалл и допускал, что оценки капитализированной стоимости человека могут быть полезными, но считал понятие человеческого капитала “нереалистическим”, поскольку человеческие существа не продаются на рынке. Поэтому, как считал М. Блауг, “человеческий капитал есть приведенная стоимость прямых инвестиций в навыки людей, а не ценность людей сама по себе” (Блауг, 1994). Поэтому к числу главных отличительных свойств человеческого капитала исследователи относят следующие: во-первых, человеческий капитал менее ликвидный, чем физический, по причине неразделимости личности и человеческого капитала; во-вторых, у человеческого капитала больше инвестиционный период и выше степень риска; в-третьих, человеческий капитал может реализовываться только в труде своего обладателя.

Интересно, что при этом часто “забывается” вторая составная часть человеческого капитала, включающая ценности хозяйства (как следует из определения) или, согласно Р. Нурееву, “мотивацию и энергию” работников, которые он добавляет к определению человеческого капитала помимо совокупности “всех производительных качеств работника” (Нуреев, 2001). Другими словами, в спорах часто “забывается” институциональная составляющая человеческого капитала. Здесь уместно вспомнить Т. Шульца, согласно которому институты (правила поведения) имеют достаточно широкое толкование. Так, в частности, в институты он включает “права собственности, ... трудовое законодательство и формы человеческого капитала” (Нуреев, 2001).

Отсюда не случайно не так давно возникла идея ввести категорию социального капитала (как потенциала взаимного доверия и взаимопомощи), целерационально формируемого в межличностном пространстве (в трактовке Дж. Коулмена и Р. Патнэма (Патнэм, 1995)), объем которого можно измерить с помощью уровня развития таких элементов общественной организации, как доверие, членство граждан в общественных объединениях, социальные сети, социальные нормы и т.п. При этом считается, что в отличие от обычного социальный капитал по мере расходования только возрастает, поскольку чем интенсивней практика кооперации и взаимовыручки, тем прочней и эффективней сети солидарности и больше масса взаимного доверия. Поэтому социальный капитал признают главным элементом гражданского общества.

Категория же культурного капитала, отражающего в целом институциональные аспекты как человеческого, так и социального капитала, стала использоваться буквально в последние дни. Под ним можно понимать, исходя из определения культуры с институциональной точки зрения (Устюжанина, 2006), систему “ценностей и ограничений, разделяемых большинством членов определенного социума”. Методика определения стоимости этого вида капитала пока до конца не ясна, но работы в этом направлении ведутся как на микро- (например, при оценке уровня организационной культуры, степени капитализации нематериальных активов, стоимости культурных образцов и т.д.), так и на макроуровне (в рамках идей импорта и экспорта институтов).

Основным механизмом материального воспроизводства *в технологическом аспекте* является “непосредственная трансляция материальных образований из одного состояния цикла воспроизводства в следующее” (Дубровский, Щедровицкий, 1971). В этом же аспекте основными механизмами социального воспроизводства выступают трансляция институтов и образа жизни (говоря словами В. Дубровского и Л. Щедровицкого, с чем можно согласиться, — “трансляция культуры” как “совокупности социальных норм и эталонов”) и трансляция знаний, опыта и технологий (сводимых иногда к образованию или обучению). Причем при анализе последнего механизма особое внимание нужно уделять, как следует из концепции человеческих ресурсов, приобретению, обновлению и совершенствованию качественных характеристик труда и определенных компетенций обучаемого.

В *институциональном аспекте* основной механизм социального воспроизводства можно представить в виде цепочки отношений и институтов, связанных с последовательными стадиями процесса социального воспроизводства (в том числе формирования, производства, использования и сохранения человеческого, социального и культурного видов капитала). Одна часть цепочки характеризует институты подготовки и формирования этих видов капитала, другая часть — институты их использования. В первой части этой цепочки особо выделим *институт профессионального образования*, регулирующий процессы образования, воспитания и обучения. Во второй ее части выделим *институт социально-трудовых отношений* и *институт профессий*, регулирующие процессы распределения и выполнения профессиональных (руководящих и исполнитель-

ных) функций в производственном процессе, а также распределения специалистов на определенные рабочие места. Так как возникающие между субъектами отношения в обеих частях цепочки неразрывно связаны с актами распределения и обмена правами собственности, то к базовым институтам социального воспроизводства отнесем также *институт собственности*, в том числе интеллектуальной.

Основой, целью, а вместе с тем и важным индикатором социального воспроизводства, наряду с другими интегративными социальными и экономическими показателями (например, индексом человеческого развития, размером национального богатства, куда по методике МВФ включается человеческий капитал и т.д.), на наш взгляд, выступает *общественное здоровье*. Категория *общественного здоровья* вытекает из одноименной концепции ряда авторов (Краснов, 1994) и определения понятия “здоровье” Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в контексте социально-экономического развития в рамках определенного качества и образа жизни населения.

Термин “общественное” здоровье наряду с традиционным понятием (“индивидуальное”) здоровья сегодня чаще используется в медицинской научной литературе и не нашел пока отражения в литературе экономической². При этом считается, что общественное здоровье складывается из здоровья отдельных индивидов. Так, общественное здоровье — это здоровье населения региона, области в целом, которое характеризуется тремя основными типами показателей: демографическими (рождаемость, смертность, младенческая смертность); заболеваемости (общая, госпитальная, с временной утратой трудоспособности, инвалидность и т.д.) и физического развития (Краснов, 1994). К данным показателям, отражающим негативный эффект, т.е. нездоровье (заболеваемость) общества, в литературе предлагается добавить позитивные показатели, отражающие здоровье общества (например, удельный вес лиц, никогда не болевших, удельный вес долгожителей с хорошим самочувствием и т.п.).

Не будем здесь пока акцентировать внимание на вызывающей определенное возражение трактовке общественной категории как простой сумме индивидуальных параметров. Так, в понятие “общественное здоровье” необходимо включать и отношения между индивидами, что будет отражать психологические и социальные аспекты здоровья (уровень доверия в обществе, уважение к личности, уровень агрессивности и терпимости в обществе и т.д.) и в конечном счете физические. К тому же сюда можно отнести болезни всего социума в целом (массовые психозы и страхи, неуверенность в будущем, жизненное целеполагание и т.д.). В целом, общественное здоровье характеризует не только состояние здоровья населения, но и состояние институциональной среды, среды обитания человека, уровень качества жизни, состояние системы здравоохранения, уровень и степень развития социального воспроизводства.

Замечание будет другого плана. Как видно, приведенное определение отражает количественную оценку, в первую очередь, физического уровня здоровья граждан. Хотя, по определению ВОЗ, *здоровье* — это состояние физического, психического и социального благополучия, что уточняет и усиливает социальную компоненту здоровья. Но высказанное замечание не имеет критического характера. К тому же авторы приведенного определения общественного здоровья после него дают указанное определение здоровья по ВОЗ. Те же авторы дают еще одно определение здоровья, на наш взгляд, уточняющее его экологическую и ассимиляционную составляющие, а именно: *здоровье* — это состояние равновесия (баланс) между адаптационными возможностями (потенциал здоровья) организма и постоянно меняющимися условиями среды.

Кроме понятия здоровья используется также понятие *потенциал здоровья*, который трактуется как совокупность способностей индивида и особенностей его поведения, по которым можно построить прогноз и определить предрасположенность к тому или иному заболеванию. Ученые-медики проводят оценку зависимости потенциала и баланса здоровья от факторов окружающей среды и мер по укреплению здоровья. В научной медицинской литературе существует ряд моделей, иллюстрирующих взаимосвязи между факторами здоровья, например модель обусловленности общественного здоровья Ю.П. Лисицына (Краснов, 1994). Они представляют определенный интерес для экономистов, так как меры и мероприятия по сохранению и повышению общественного здоровья выходят за рамки обычной лечебно-профилактической помощи, медицинской профилактики болезней, борьбы с ними и ориентированы на увеличение человеческих ресурсов (человеческого капитала) общества.

К сожалению, в России до сегодняшнего дня так и не появилось никакой современной правовой основы регулирования системы здравоохранения в России и, в целом, факторов обще-

² Речь идет, в основном, о самом термине. Так, Н.М. Римашевская и ее коллеги в своих исследованиях выделяют здоровье населения на макро- (популяционном) и микроуровне.

ственного здоровья. В 1998 г. после широкого обсуждения проблемы здоровья на парламентских слушаниях (май 1997 г.) “Здоровье населения как фактор обеспечения национальной безопасности России” Государственная дума Российской Федерации приняла в первом чтении проект Федерального закона “О здравоохранении в РФ”. С тех пор прошло уже почти десятилетие, но сам закон о здравоохранении так и не появился, хотя и предполагалось, что этот закон должен определить набор правил, по которым будет развиваться вся система российского здравоохранения в ближайшее время и на перспективу. Концепция законопроекта строилась на реальном учете сложившихся отношений в обществе, истории российского государства и здравоохранения, менталитета населения России и предусматривала внесение ряда существенных изменений и дополнений в действующие законодательные акты.

В том проекте поднимались немаловажные вопросы регулирования развития системы здравоохранения в РФ, в том числе провозглашались принципы государственной политики в области здравоохранения, в соответствии с которыми определялась ответственность правительства за состояние здоровья населения. В проекте обеспечивались доступность и бесплатность гарантированных объемов медицинской помощи, устанавливалась система государственного регулирования в области здравоохранения, провозглашался приоритет государственно-муниципального сектора здравоохранения, преемственность в оказании медицинской помощи на всех ее этапах, единство системы сертификации и лицензирования в области здравоохранения, уточнялись стандарты медицинской помощи, предусматривалось участие граждан в контроле над финансовыми ресурсами системы здравоохранения. Проект закона устанавливал принципы деятельности системы здравоохранения в рамках международной концепции “Здоровье для всех в XXI в.”, провозглашенной ВОЗ.

Кроме этого, в законе определялись основные понятия системы здравоохранения, такие как охрана здоровья населения, система здравоохранения Российской Федерации, органы управления здравоохранением, организации здравоохранения, медицинские организации, медицинская деятельность, фармацевтическая деятельность, медицинская помощь, ее объем и качество, медицинская услуга в области здравоохранения, сервисные услуги в области здравоохранения и др.³ Но без законодательной, правовой формулировки этих понятий невозможно построить четкое понимание отечественной системы здравоохранения, дать современное представление о концепциях здоровья и системе здравоохранительных мер, проводимых в обществе, роли показателей заболеваемости в общих характеристиках общественного здоровья, определяющих во многом успех деятельности системы здравоохранения в целом и деятельности медицинских работников в частности.

Таким образом, в нашей стране исторически сложилась ситуация, которая характеризуется крайней неразвитостью правового обеспечения деятельности национальной системы здравоохранения, а затянувшийся процесс реформирования здравоохранения не может получить дальнейшего развития без надежного законодательного обеспечения. Следует отметить, что отечественная система здравоохранения функционирует сегодня в крайне неблагоприятных условиях, а состояние здоровья населения страны можно определить как критическое. По многим показателям здоровья населения российское государство значительно отстало не только от большинства развитых, но и от развивающихся стран. Отсюда можно сделать вывод, что дальнейшее промедление законодательного обеспечения в сфере общественного здоровья и системы здравоохранения угрожает национальной безопасности страны.

Стратегической целью здравоохранения в обществе признается создание среды, соответствующей здоровому образу жизни. Иначе говоря, одной из главных задач, стоящих перед общественными, в том числе государственными, муниципальными, частными структурами, является формирование, развитие и совершенствование качества жизни населения. Другой важной задачей общества необходимо признать распространение и прививание стандартов здорового образа жизни членам общества и его структур. При этом само население и экономические субъекты в целом должны активно участвовать в этом процессе, что предполагает решение еще одной немаловажной задачи — вовлечения, активизации и стимулирования самих граждан принять стандарты здорового образа жизни. Таким образом, здесь можно выделить внешние⁴ (включая социально-экономические, институционально-правовые, экологические и медицинские) и внутренние (физические и психологические) условия повышения уровня здоровья населения. Это означает,

³ На наш взгляд, в данный перечень необходимо включить и понятие “общественное здоровье”.

⁴ По отношению к отдельному индивиду.

что ответственность за охрану здоровья распределяется между обществом, организациями, индивидом и медицинскими учреждениями и работниками. Результирующими критериями организации системы здравоохранения в обществе являются характеристики и показатели здоровья, определяющих его факторов и, что немаловажно, — его представления и образов.

Мы присоединяемся к мнению, что на государственном уровне необходимо признать приоритет показателей общественного здоровья в числе показателей, характеризующих национальное благосостояние (Краснов, 1994). Система здравоохранения должна считаться, по мнению С.Ю. Глазьева, краеугольной отраслью народного хозяйства, социальным императивом общества и элементом общественного договора, согласно мнению А.Я. Рубинштейна, и даже национальной идеей, как считает Г.Б. Клейнер. А инвестиции в человеческий капитал (социальное воспроизводство) должны стать отдельной сферой народного хозяйства (по материалам заседания секции экономики РАН от 21.02.2007 г.).

2. СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО И НОВАЯ ЭКОНОМИКА: СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

Определяющим фактором новой экономики (данное понятие постепенно заменяет собой понятие постиндустриального общества, что, пожалуй, не совсем правомерно), а следовательно, основным элементом формирования человеческого капитала на новом этапе развития экономики признаются знания и информация, поэтому закономерным становится появление в экономической науке нового направления — *экономики знаний*. О масштабах экономики знаний в развитых странах свидетельствует ряд показателей. В США в составе сферы услуг (доля которой с 1960-х годов в ВВП США возросла с 50 до 70%) — основной сферы распространения и использования информации — 63% услуг могут быть отнесены к категории интеллектуальных. Если брать непосредственные инвестиции в человеческий капитал, то можно отметить, что в США в 1990 г. совокупные инвестиции в человеческий капитал втрое превысили инвестиции в физический капитал, расходы на образование превысили половину инвестиций в физический капитал, расходы на здравоохранение оказались выше. Доля инвестиций в человеческий капитал в общем объеме ВВП США по некоторым оценкам составляет более 15% ВВП, что превышает “чистые валовые инвестиции частного капитала в заводы, оборудование и складские помещения” (Беккер, 1994).

Как отмечают ряд исследователей, в частности Дж. Ходжсон (Ходжсон, 2001), современные экономические системы при переходе к постиндустриальной стадии характеризуются важнейшей долговременной тенденцией — прогрессом знаний и нарастанием сложности социально-экономической жизни, порожденной мощными экономическими факторами и ведущей к расширению рыночного пространства и диверсификации производимых продуктов. Растущая сложность создает всевозможные социально-экономические, политические и технологические проблемы. Поэтому возможны два альтернативных сценария дальнейшего развития общества: *благоприятный*, при котором возможности и способности людей безгранично расширяются, и *неблагоприятный*, при котором развитие сопровождается утратой способности к труду. Эти сценарии можно определить, по Ходжсону, как “*сценарий прогресса знаний*” и “*сценарий деквалификации*”, причем их объединяет общая предпосылка: производственные процессы и продукты в ведущих отраслях экономики становятся все более сложными и высокотехнологичными. Соответственно возрастающая сложность, а следовательно, и неопределенность становятся присущи всем видам социальной деятельности как в сфере производства, так и в сфере потребления. Два выделенных сценария дают противоположные ответы на вопрос о том, влечет ли нарастание сложности повышение или понижение уровня квалификации и адаптивности человека.

В рамках неблагоприятного сценария считается, что рост механизации и автоматизации производства, совершенствование технологий и оборудования приведут к снижению уровня квалификации рабочей силы, т.е. высокотехнологичная экономика будущего будет подавлять стремление человека к приобретению знаний, а новые технологии будут применяться *экстенсивно* — не в целях *повышения созидательной мощи человека*, а вытесняя ее. При этом, как считает В. Иноземцев (Иноземцев, 2000), в обществе будущего эксплуатация (или неравенство в случае снижения степени эксплуатации) может стать еще более жесткой за счет обладания знаниями немногими группами в ущерб всем остальным.

При таком сценарии, по Ходжсону, большая часть населения живет в праздности, лишь некоторым людям повезло (или не повезло!): лишь иногда они обслуживают клиентов, ценящих человеческое общение. Активный образ жизни ведет лишь малая часть населения — высшие мене-

джеры, в том числе собственники и люди искусства. Но в условиях отчуждения от производства и насыщения адекватным предложением развлечений и материальных благ общая культура человеческих устремлений сводится в большей мере к соревнованию в сфере престижных расходов, чем в сфере продуктивной деятельности: статус человека будет формироваться его потреблением, а не плодами его труда или творческими достижениями.

К теоретическому анализу неблагоприятного сценария близка проблема социальных фильтров, нашедшая отражение в соответствующей теории (*теории фильтра*). В ней процесс получения знаний, в том числе образовательный процесс, может играть функцию средства социального отбора и сортирования учащихся по их производственным качествам. В теории фильтра скептически оцениваются возможности неограниченного роста образования, а повышение уровня образования само по себе, как считается, не способно ни ускорять экономический рост, ни сокращать безработицу. По мнению Р. Хернстейна, в будущем обществе устранение всевозможных социальных привилегий приведет к выделению “биологической элиты” и замене экономического неравенства новым, основанным на различиях в человеческом потенциале (Капелюшников, 1993). Данное мнение близко к приводившейся ранее мысли В. Иноземцева и вступает в противоречие с идеей, высказанной еще Г. Манном, о том, что образование выступает великим уравнителем в обществе. Сторонники теории фильтра утверждают, что упор на знания и способности означает усиление позиций квалифицированных работников на рынке труда и углубление “пропасти”, разделяющей их с неквалифицированными работниками. Это проявляется в растущей дифференциации доходов и остром дефиците квалифицированных трудовых ресурсов во многих индустриальных странах на фоне массовой безработицы среди неквалифицированных рабочих. Поэтому неслучайным выглядит в рамках концепции человеческого капитала постепенное надевание образования не производственной, а селективной (информационной) функцией.

Сторонники неблагоприятного сценария также полагают, что в постиндустриальном обществе только творческая элита следует внеэкономической мотивации, так как ее материальные проблемы были решены предыдущими поколениями или решаются ею самой без особых трудностей. Но огромная масса населения продолжает следовать экономическим мотивам, не имея социальных условий для процветания там, где образование, знание, редкая профессия являются источником богатства. Так, уже сегодня наблюдается возрастание относительной бедности на Западе в связи с технологической революцией и сокращением потребности в неадекватной этому рабочей силе. В связи с этим может возникнуть неуправляемая анархия, как называл ее Дж. Бьюкенен, в отличие от управляемой анархии или свободы индустриального общества. Ряд исследователей, например А.Г. Глинчикова (по материалам Круглого стола “Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество”, 2000) в отличие от Д. Белла, называющего экономическую, индустриальную эпоху капитализма технологической, а постиндустриальную фазу – социальной, считает, что экономическая мотивация индустриального общества (капитализма) была защищена культурной или религиозной мотивацией и жестко институционализированной социальной структурой, поэтому именно оно является более социальным, чем постиндустриальное.

К тому же, вопреки мнению О. Тоффлера о том, что информация является наиболее демократичным по своему характеру источником хозяйственной власти, информация может быть наименее демократичной основой власти, будучи единственным на протяжении всей истории ресурсом, доступ к которому и даже собственность на который не означают возможности обладания и пользования (Иноземцев, 2000).

Коренное изменение в постиндустриальном обществе коснется того, что впервые в истории условием принадлежности человека к господствующему классу станет не право владеть благом, а способность им воспользоваться. Следовательно, социальный статус человека будет определяться прежде всего его образовательным уровнем, способностью превращать информацию в знания, самостоятельно осуществлять продуктивную деятельность в условиях технологически совершенного хозяйства.

Таким образом, классовые различия в постиндустриальном обществе будут обусловлены прежде всего различиями в образовании. Вследствие этого общество все равно может остаться классовым, но основными уже будут классы не собственников материальных средств производства и наемных работников к этим средствам, а классы, обладающие собственностью на знания и информацию и не обладающие ими, вынужденные подчиняться высшим классам, о чем уже упоминалось при описании неблагоприятного сценария развития общества. Это вызывает беспокойство ряда ученых, считающих, что устранение господствующей роли вещных, материальных факторов может снять любые препятствия роста социального и имущественного неравен-

ства. Будучи порождено не относительно условными и внешними характеристиками вещного богатства, а сущностными отличиями внутреннего потенциала членов общества, новое классовое деление может стать гораздо более жестким, чем в эпоху господства частной собственности. Его преодоление “не имеет прямого отношения к установлению равенства. Оно, по-видимому, оказывается невозможным до тех пор, пока человек остается переходной субстанцией от низших, чисто биологических, форм, из которых он проистекает, к высшим, чисто духовным формам, к которым он устремлен” (Иноземцев, 2000).

В рамках благоприятного сценария утверждается, что на пороге постиндустриального общества постепенно происходит процесс социализации отношений собственности, проявляющийся в усилении общественного контроля работников, профсоюзов, ассоциаций потребителей и производителей, общественных объединений и политических партий. Наемные работники постепенно приобщаются к собственности, являясь владельцами акций предприятий, что изменяет их социальный статус. Так, в последние годы от 57.5 до 59.8% американских семей держат в акциях средства, составляющие около 28% их общего капитала, что принесло им более 10 трлн. долл. дохода только во второй половине 1990-х годов (Иноземцев, 2000).

Работники приобщаются к участию в руководстве хозяйственной деятельностью предприятия (без учета владения обыкновенными акциями), что приводит в известной степени к превращению их в *сохозяев*, а не просто наемников. В ряде стран на особой законодательной основе в рамках коллективных договоров, например в Западной Германии в соответствии с Законом 1952 г. о производственных советах и Акционерным законом 1965 г., наемные работники имеют право выбирать своих представителей в советы директоров предприятий; из их числа избираются производственные советы, которые в сотрудничестве с руководством и профсоюзами решают вопросы организации производства и социально-экономические проблемы. Состав этих советов избирается всеми работниками независимо от профсоюзного членства, эти советы существуют помимо органов профсоюзов, хотя в англосаксонских странах, Японии, Финляндии, Швейцарии представительство работников на предприятиях осуществляют в большинстве случаев исключительно профсоюзы. В одних странах существует один представительный орган коллектива (Германия, Австрия), в других (Франция, Люксембург) на предприятиях функционируют два органа: орган представительства трудового коллектива и двусторонний орган, в котором заседают представители коллектива и администрации, а также профсоюзов (с правом совещательного голоса). Заметим, что в нашей стране была попытка в конце 1980-х годов создать подобные советы в форме СТК (советов трудовых коллективов), но они были похоронены вместе с самой социалистической системой.

Кроме появления законодательств об участии трудящихся в управлении возникает явление выкупа предприятий трудящимися, например согласно “плану Мейднера” в Швеции (Пороховский, 2001), т.е. развивается институт коллективной собственности работников в форме народных предприятий. Причем эти предприятия в сравнении с технологически сопоставимыми частнокапиталистическими предприятиями кроме высоких заработков работников имеют в среднем в два раза более высокие темпы роста производительности труда, в полтора раза выше — прибыльность. Девяносто процентов таких предприятий не продают на рынке свои акции или вообще обходятся без акций, полностью заменяя их лицевыми счетами работников (Белоцерковский, 1993). Уходящие с предприятия работники обязаны продавать свои акции, паи и другие активы трудовому коллективу. Условно можно выделить три формы коллективной собственности работников: *долевою*, *неделимую*, *смешанную* (Пороховский, 2001).

Вначале идея “народного предприятия” реализовывалась в форме привлечения рабочих к участию в прибылях организации. В дальнейшем все чаще предпринимались попытки не только привлекать рабочих к участию в прибылях, но и наделять их определенными правами в сфере управления. Так, во Франции еще 26 апреля 1917 г. появился закон, предусматривавший создание акционерных обществ с рабочим участием, а затем последовал ряд нормативных актов, преследовавших аналогичные цели. В США было разработано несколько механизмов формирования так называемой собственности работников. Широкое распространение получила программа развития “акционерной собственности рабочих” — ESOP, в рамках которой при государственной поддержке учреждается доверительный фонд, являющийся держателем акций общества. Акции приобретаются за счет банковского кредита и по мере его погашения распространяются среди работников акционерного общества. Много общего с ней имеет программа 401, согласно которой соответствующие фонды формируются на паритетных началах акционерным обществом и его работниками. Кроме этого, существует множество внутрифирменных программ создания рабочей собственности.

Таким образом, в рамках благоприятного сценария считается, что на пути трансформации индустриального общества в постиндустриальное постепенно решается задача ограничения, а в перспективе — и преодоления наемного характера труда, так как в современных условиях наемный труд оказывается недостаточно эффективным по причине внедрения в производство новейших технологий (Пацула, Сухинин, 2005). Сами собственники предприятий заинтересованы в использовании творческого потенциала работников путем развития разных форм их соучастия в принятии решений. Так, у рабочего класса складывается новая роль в распределении прибавочной стоимости, которая осознается сегодня как частичное преодоление процесса эксплуатации. Важнейшим капиталом постиндустриального общества становится человеческий капитал, являющийся “адекватной формой выражения производительных сил человека на постиндустриальной стадии развития общества с социально ориентированной экономикой рыночного типа” (Добрынин, 1999).

Между тем в “новом” высокотехнологичном производстве, а не в традиционных отраслях происходят более значительные трансформации отношений собственности, вызванные научным прогрессом. Там, где наука действительно становится производительной силой, а информация и знания — важнейшим ресурсом общества, работник становится интересен этому обществу не как носитель абстрактной “рабочей силы”, способный к малоквалифицированному монотонному труду, а как обладатель уникальных интеллектуальных способностей, являющихся результатом обучения и творческого поиска. В таком обществе собственность на материальные средства производства перестает быть основным условием высокого благосостояния. Залогом жизненного успеха становятся не собственность, а организация; не владение, а пользование; не возможность присвоить, а способность применить те или иные средства и условия производства. Изобилие материальных благ постиндустриального общества порождает новые, постматериалистические ценности современного человека с его стремлением к максимальному саморазвитию, являющимся важнейшим источником прогресса.

В этих условиях формируются новые пропорции оптимального сочетания личных и социальных интересов, индивидуализма и коллективизма и, как следствие, рождается, по мнению Иноземцева, дихотомия частной и личной собственности (Иноземцев, 2000). Последняя характеризуется Иноземцевым прежде всего соединенностью (термин Иноземцева) работника со средствами труда и вынесением экономических отношений за рамки непосредственного процесса производства. Сегодня, когда человек в постиндустриальном обществе выходит за пределы массового материального производства, информация становится важнейшим хозяйственным ресурсом, а средства, необходимые для создания информационных продуктов, оказываются доступными все более широкому кругу работников интеллектуальной сферы, наступает ренессанс этого вида собственности. К тому же все больше необходимых обществу товаров эффективно производится за пределами традиционных производственных структур.

Возможность соединения работника со средствами труда обусловлена технологическим прогрессом последних десятилетий. Еще в начале 1990-х годов социологи отметили, что работники интеллектуальной сферы обладают собственностью на свои уникальные способности; при этом такая собственность неотчуждаема и не может быть присвоена в объективированной форме. Поэтому по мере того как “средства производства становятся по своему характеру в большей степени информационными, нежели материальными, контроль над ними в определенной степени переходит к работникам” (Иноземцев, 2000). Средства производства, применяемые для создания информационных продуктов, как и сама информация, становятся все более и более доступными.

Таким образом, информационная революция не только сделала знания основной производительной силой, она и сформировала предпосылки для того, чтобы средства, необходимые для создания, распространения и воспроизводства информационных продуктов, стали доступны каждому работнику, способному обеспечить им адекватное применение. Как отмечает Т. Сакайя, важнейшей чертой современного общества является “тенденция к воссоединению труда и средств производства..., необходимое оборудование уже не является недоступно дорогим; приобретение его обусловлено издержками, представляющимися для частных лиц вполне разумными и допустимыми... При этом создание информационных ценностей представляет собой процесс, в котором труд и средства производства становятся неразделимыми”, в результате чего “в обществе, ориентированном на информационные ценности, тенденция к отделению капитала от труда заменяется на противоположную” (Львов, 2001).

Приобретая в собственность необходимые средства труда, работники интеллектуальной сферы предлагают на рынке не свою высококвалифицированную рабочую силу, а индивидуальный и уникальный продукт, обладающий высокими характеристиками общественной ценности. Все

это радикально меняет облик современного общества. Работники, способные поставлять на рынок готовый информационный продукт или иные уникальные блага, и “должны быть управляемы таким образом, как если бы были членами добровольных организаций” (Schultz, 1971).

Вышеизложенное позволяет некоторым представителям концепции человеческого капитала утверждать, что в промышленно развитых странах рабочий становится весьма значительным капиталистом, разграничение капитала и труда постепенно теряет смысл (Сухинин, 2005б), а основной момент самой концепции состоит не в появлении нового слоя управляющих (в теории управленческой революции) или технотружеников (в теории нового индустриального общества Гэлбрейта) и не в диффузии собственности (в теории народного капитализма), а в том, что наряду с собственниками средств производства появляется и новая группа “капиталистов” — владельцы человеческого капитала.

Современное производство вынуждено внедрять все доступные и технологические усовершенствования и максимально наращивать качество продукции. Это порождает, с одной стороны, растущий (и часто неудовлетворенный) спрос на специалистов и ученых с высокой оплатой их труда. С другой стороны, в условиях конкуренции труд специалистов со своим качеством и новизной создает рабочие места для рабочей силы меньшей сложности и квалификации, обеспечивает устойчивость занятости и высокую оплату труда на предприятиях и в обществе в целом. Именно этот труд обеспечивает быструю переквалификацию и новую занятость при структурных перестройках. Поэтому существенное различие интересов рабочих и специалистов на производстве XIX–XX вв., по мнению сторонников благоприятного подхода, сменилось принципиальным совпадением их главных социальных интересов. Особенно очевидно это совпадение в сфере услуг, в которой главную роль развития культуры общества выполняют специалисты: в этой сфере занято около 3/4 специалистов от общего числа работников (Васильчук, 1991). Фактическая общность экономических и общественно-политических интересов рабочих и специалистов, работающих по найму, позволила уже к 1970-м годам говорить о слиянии их в единую, новую классовую общность. И лидером в этой общности становится образованный человек (Сахаров, 1990). Рост профессионализма ведущей части наемных работников перестраивает, поднимает уровень всех наемных работников, позволяя коллективам работников снизить степень эксплуатации со стороны капитала. Объединения, ассоциации индивидуальной собственности работников в форме кооперативов, товариществ, акционерных обществ образуют сектор принципиально новых отношений и форм собственности.

При переходе к постиндустриальному обществу изменяется структура класса наемных работников: развитие НТР переместило роль его ядра от традиционного промышленного пролетариата вначале к работникам технологически передовых отраслей массового производства (в США — уже в 1950–1960-е годы), а затем — к работникам информационного производства — к рабочей интеллигенции (“новой рабочей аристократии”). Это было обусловлено, во-первых, ее ролью в формировании “человеческого капитала” (что было отражено концепцией “технотружеников” Гэлбрейта), а во-вторых, ее ролью носителя общечеловеческой культуры и тем самым — проводника воздействия на всех остальных работников. Поэтому, как отмечается в концепции человеческого капитала, развитие интеллектуального рабочего класса, новой рабочей аристократии означает преодоление противоположности между работниками умственного и физического труда.

В постиндустриальную эпоху происходят необратимые изменения в процессе трудовой деятельности, приобретающей творческий характер. Важнейшая отличительная черта творчества состоит в его самодостаточности, отражающей доминирование стимулов, порожденных стремлением к развитию личности, над материальными мотивами тогда, когда достигнут определенный уровень удовлетворенности основных жизненных потребностей человека. Как отмечает Иноземцев, творчество как основная характеристика постэкономической эпохи противостоит традиционному пониманию труда и предтрудовой инстинктивной деятельности, характеризующему экономическую и доэкономическую эпохи (Иноземцев, 2000). Творческий труд и органически связанное с ним творческое потребление, творческая общественная деятельность перестали быть привилегией “господствующих классов”. Они “переместились внутрь” огромной массы работающих по найму людей, перестроили все отношения внутри нее, изменили характер производства и экономики, лицо и сам характер наемного труда (Львов, 2005).

Как считают исследователи, важнейшим отличием нового общества от всех предшествующих станут место и роль в нем активной личности. В рамках постиндустриального общества действия людей уже не будут задаваться прежними материальными мотивами, и человечество впервые обретет внутреннюю свободу, к которой оно всегда стремилось. Тот “выход за пределы собственно

материального производства”, о котором говорил Маркс, окажется связанным не столько с преодолением участия человека в процессе производства, сколько с трансформацией субъективного отношения к этому процессу как к противоречащему стремлениям личности (Иноземцев, 2000).

Таким образом, сторонники благоприятного сценария считают, что, во-первых, для выполнения производственных задач требуется еще больше знаний и трудовых способностей, поэтому рост производственной квалификации наблюдается во многих секторах экономики. Во-вторых, в условиях диверсифицированного ассортимента продукции потребитель также сталкивается со сложной задачей оценки качества и степени пригодности предлагаемых товаров и услуг, что предопределяет рост квалификации потребителей. Кроме этого, наряду со способностями общего характера во все большей степени возрастает потребность в специализированных уникальных навыках, и растущую роль в экономической и общественной деятельности начинает играть информация⁵.

3. ВЫДЕЛЕНИЕ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА И ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ

Для выделения факторов социального воспроизводства можно воспользоваться идеями Протесея, выделявшего внутренние и внешние факторы социального воспроизводства. К последним он относит факторы *макросреды* (институты образования, воспитания, профессиональной подготовки, здравоохранения и т.д.), *мезосреды* (системы рабочих мест и социальной инфраструктуры, территориальные средства воспроизводства и т.д.) и *микросреды* (непосредственная социальная среда, в том числе семья, дружеские контакты, ассоциации и союзы и т.д. (Радаев, 1996, 2004)).

Можно построить аналогичную классификацию, если рассмотреть важнейшие формы вложений (инвестиций) в человеческий капитал. Поэтому основными факторами социального воспроизводства становятся: образование, накопление профессионального опыта, подготовка человека на производстве, охрана здоровья, медицинское обслуживание, обеспечение географической и профессиональной мобильности, организация поиска информации о рыночной конъюнктуре, вакансиях, доходах, рождение и уход за детьми. Причем часть этой деятельности увеличивает объем человеческого капитала, часть — срок его службы. Некоторые, такие как образование и здравоохранение, являются факторами долговременного действия, другие — кратковременного, как, например, поиск информации.

Для построения классификации факторов социального воспроизводства также можно воспользоваться моделями обусловленности общественного здоровья, о которых было сказано ранее. На рисунке и в таблице проиллюстрированы данные модели.

В приведенной таблице факторы риска объединены в четыре группы, обуславливающие различные виды заболеваемости, а также их удельный вес в общих влияниях на возникновение болезней. Представленное распределение значимости факторов в целом для популяции, в том числе при отдельных заболеваниях, приводит к выводу о значимости и степени эффективности различных мер по охране здоровья. На первом месте, как видно, находятся факторы образа жизни, затем экологические факторы — факторы окружающей среды, далее идут генетические факторы и развитие системы здравоохранения, предполагающие лечебно-профилактические меры (учет генетического риска, диагностику, лечение, наблюдение).

Аналогичные исследования проводят и представители социально-экономических наук. Так, Н.М. Римашевская на одном из последних заседаний секции экономики РАН выступала с докладом о состоянии здоровья российского населения. Согласно ее исследованиям, среди первостепенных ранжированных факторов индивидуального здоровья населения России на первом месте находится уровень развития человеческого капитала, включая возраст и образование, на втором — состояние социального капитала, на третьем — материальное обеспечение, на четвертом — социальная уверенность в стратегии собственной жизни (у мужчин данный показатель намного ниже, чем у женщин, но находится выше в иерархии всех факторов, что обусловлено в значительной

⁵ Отметим, что, по мнению исследователей (Ходжсон, 2001), понятия “знания” и “информация” различаются между собой. Так, доступность информации не означает широкого распространения знаний. Ведь, *информация* — совокупность неких интерпретированных данных, а знания — продукт использования информации. Многие познавательные процессы становятся неявными, поэтому, даже обладая информацией, человек может не обладать знаниями. Также необходимо помнить, что знания и информация не отделимы от социального контекста, так как применение и распространение информации и знаний существенно зависят не только от технологии, но и от развития тех или иных социальных институтов.

Факторы, влияющие на баланс здоровья (Краснов, 1994).

степени проводимыми реформами и социально-экономическими стрессами), далее располагается образ жизни и привычки населения, на шестом месте — жилищные условия.

Особое место среди факторов социального воспроизводства и общественного здоровья занимают институциональные факторы. Как было видно из представленных выше моделей, значительное место среди факторов общественного здоровья занимает *образ жизни* (при этом предполагается некий нормативный — “здоровый” образ). Исходя из толковых словарей, где сам *образ* трактуется как “порядок, способ, направление чего-нибудь”, можно сказать, что сам образ жизни можно трактовать как порядок жизни, имеющий как внешний социальный нормативный характер, так и внутренний (психологический) характер. Так как внешние нормы поведения можно отнести к *институтам*⁶, регулирующим социальную деятельность человека (Сухинин, 2003), в том числе создающим особые побуждения в отношении людей друг к другу и своеобразную зависимость между ними, то какая-то часть (доля) образа жизни⁷ — внешние (институционально-правовые) нормы. При этом, как мы отмечали выше, выделяя условия повышения уровня здоровья населения, они входят в состав внешних условий — наряду с социально-экономическими, экологическими и медицинскими условиями и факторами.

Говоря о нормативном характере образа жизни, нельзя не забывать разнообразные модели экономического поведения человека, например выделенные нами в других работах (Иншаков, 2005, Пацула, Сухинин, 2005б) три основные модели экономического поведения человека: 1) модель *рационального поведения* (человека экономического/рационального), согласно которой человек действует в условиях полной определенности (осведомленности) и обладает высочайшим уровнем экономического целеполагания; 2) модель *иррационального поведения* (человека спонтанного/нерационального), где человек действует в условиях разной степени неопределенности и демонстрирует недостаточно высокий уровень целеполагания, при этом человек может выступать нерационально как по знанию, так и по незнанию; 3) модель *пострационального/вне-рационального поведения* (человека институционального)⁸, где поведение обусловлено влиянием институциональной среды. Иными словами, употребляя термин *нормативный*, мы не имеем в

⁶ Интересно, что, невзирая на разные трактовки институтов, мало кто оспаривает, что институты — это что-то внешнее по отношению к отдельному индивиду (ср. *правы и мораль*). По мнению автора, под *институтом* можно понимать (Сухинин, 2003) *внешние нормы и правила организации отношений между людьми в различных процессах их жизнедеятельности* исходя из того, что институты позиционируются как нормы и правила поведения людей, принятые в обществе, как общественные организации людей; как общественные отношения между людьми (их взаимное позиционирование в социально значимой форме), возникающие на почве их хозяйственной или иной деятельности.

⁷ Мы пока не затрагиваем вопроса о величине этой доли.

⁸ Можно даже сказать — *человека надэкономического*.

Модель обусловленности общественного здоровья (по Ю.П. Лисицину) (Краснов, 2004), %

Факторы риска	Образ жизни	Внешняя среда	Генетический риск	Здравоохранение
В целом в популяции	50–55	20–25	15–20	8–10
В возникновении заболеваний:				
– ИБС (ишемическая болезнь сердца)	60	12	18	10
– сосудистые поражения мозга	65	13	17	5
– рак	45	19	26	10
– диабет	35	2	35	10
– пневмония	19	43	18	20
– эмфизема легких, бронхиальная астма	35	40	15	10
– цирроз печени	70	9	18	3
– транспортные травмы	65	27	3	5
– самоубийства	55	15	25	5

виду (во всяком случае пока) только институциональные (в какой-то степени надэкономические) нормы, а принимаем и рациональные, и адаптивные нормы⁹.

В качестве основных институциональных факторов социального воспроизводства, а следовательно, и общественного здоровья можно выделить следующие:

- 1) социальные (общественные) нормы поведения, в том числе:
 - а) ограничения (рамки, табу) поведения¹⁰;
 - б) “правила игры”¹¹ в процессе социального поведения, включая экономический обмен;
 - в) “возможности” поведения¹²;
 - г) обычаи, традиции людей¹³;
- 2) социальные роли и социальные действия субъектов (акторов) согласно эти ролям;
- 3) формы общественных организаций¹⁴;
- 4) формы общественных отношений¹⁵, в том числе известных производственных отношений;
- 5) культурные образцы, фиксирующие исторический опыт человека;
- 6) институциональная среда, состоящая из совокупности институтов и механизмов, принуждающих (контролирующих, защищающих) к исполнению этих институтов;
- 7) система общественной жизни¹⁶.

При этом одновременно могут быть решены две проблемы: во-первых, выявление влияния институциональных факторов (Сухинин, 2005); во-вторых, выявление как таковых институциональных факторов, характеризующих различные общественные отношения, к которым относится и общественное здоровье.

⁹ По аналогии с рациональными и адаптивными ожиданиями.

¹⁰ По Норту, созданные человеком ограничения, в которых структурируются политические, экономические и социальные взаимодействия.

¹¹ Другими словами, в целом по первым двум позициям — правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, существующие в обществе, структурирующих повторяющиеся взаимодействия между людьми и накладывающие ограничения на их действия.

¹² По Фостеру, предписанные образы согласованного поведения.

¹³ По Митчеллу, господствующие стандартизированные общественные привычки; по Веблену, распространенный образ мыслей и духовная позиция; по Гамильтону, некий словесный символ для обозначения общественных обычаев.

¹⁴ По Веберу, сообществ, вступление в которые не зависит от желания зачисленных лиц.

¹⁵ По Веблену, особый способ существования общества, особая система общественных отношений.

¹⁶ По Веблену, принятая в настоящее время система общественной жизни или структура производственного или экономического механизма.

Выделенные здесь нами институциональные факторы носят в какой-то степени абстрактный характер, каждый из них имеет множество конкретных проявлений. Например, в составе общественных отношений в качестве базисных выделяются отношения собственности, определяющие присвоение условий и результатов производства, и социально-трудовые отношения, связанные с распределением и исполнением профессиональных функций в производстве (Сухинин, 2005а). Отношения собственности, определяющие присвоение условий и результатов производства, и социально-трудовые отношения, связанные с распределением и исполнением профессиональных функций в производстве, являются, по мнению автора, базисными социально-экономическими институтами. Их взаимодействие в исторически изменчивых формах определяет основные черты и потенциал развития экономики как функционально специализированной части социальной системы.

В составе культурных образцов можно выделить такие понятия, как культура производства, корпоративная культура, культура безопасности. В составе институциональной среды можно отметить построение процесса труда и эргономические факторы. В качестве форм общественных организаций особо выделяются структуры бизнеса и предприятий, общественные объединения, политические партии, клубы, государство и т.д.

В экономической теории известен спор между Ж.Б. Сэйем и Ф. Листом по поводу того, являются ли институты ресурсом экономического развития (в нашем случае — социального воспроизводства). Лист доказывал, что расходы на образование, правосудие и войско являются производительными, ибо уничтожение ценностей производится в пользу усиления производительных сил. Христианство, уничтожение рабства, единоженство, престолонаследие, изобретение печати, прессы, почты, учреждение полиции и прочее (по существу Лист вел разговор об институтах) являются источниками производительных сил и, следовательно, богатства. Сэй опровергал это, считая, что законы не могут создавать богатства. На что Лист отвечал, что, конечно, они не могут их создавать, но они создают производительные силы, которые гораздо важнее богатства или обладания меновыми ценностями (Витте, 1998).

В ходе реформ в России наблюдается попытка внедрить западные рыночные институты (по выражению В.М. Полтеровича, трансплантировать институты). Конечно же, для успешного экономического развития важно не только наличие достаточных объемов капитала, сырья, передовых технологий и т.д., но и формирование новых институтов. Но, по всей видимости, в отличие от ресурсов “последние не могут быть заимствованы извне, а должны быть созданы в данной стране” (Марцинкевич, 1991). Изменение законов само по себе не решает проблемы создания институтов рыночной экономики. Важный аспект связан с изменением мышления участников хозяйственного процесса и далеко не в последнюю очередь — управленческого персонала, а также с преобразованием всей системы управления. По мнению Витте “одни и те же экономические положения или выводы, справедливые по отношению лица, могут быть совершенно несправедливы по отношению нации; одни и те же положения или выводы, верные по отношению нации, могут быть вполне ошибочными по отношению человечества и т.д.” (Витте, 1997).

Если бездумно внедрять на неготовую почву новые институты, то общество может прийти к социальному краху. Например, по Листу: “Гораздо легче разорить в течение нескольких лет цветущие фабрики, нежели целому поколению поднять их” (Витте, 1997). Общество должно иметь социальные возможности для внедрения и выращивания институтов в соответствии с кривой социальных возможностей, добавленной Т. Эгертсоном к кривой производственных возможностей. Можно присоединиться к словам Поланьи: “Прогресс достигается, как правило, ценой социальных сдвигов в обществе. Если величина этих сдвигов велика, общество может погибнуть в ходе этого процесса” (Тамбовцев, 1997).

4. ОБЩИЙ МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Согласно концепции *национального имущества* (Львов, 2001, 2002, 2003, 2005), общественным достоянием признаются природные ресурсы, водные и воздушные бассейны. По всей видимости, нематериальные виды капитала (социальный, человеческий, интеллектуальный и культурный капитал), включая категории социальных знаний и информацию, также относятся к ресурсам жизнеобеспечения человечества и, следовательно, являются общественным достоянием.

Реализация данного положения возможна при осуществлении предлагаемого нами общего механизма государственной политики в области формирования, развития, использования и со-

хранения (!) нематериальных видов капитала в целях активизации его социально-экономического потенциала.

В первом варианте реализации этого механизма право владения человеческим капиталом сохраняется за его носителем в качестве неотъемлемого права свободной личности; право распоряжения закрепляется за ним и частично за организациями, в том числе государственными структурами, участвующими в формировании и развитии этих видов капитала. Правом пользования обладает или сам работник, если он использует в качестве предпринимателя свою рабочую силу, или работодатель — в случае передачи ему этого права. Если капитал воспроизводится с использованием (посредством) государственных образовательных ресурсов, то с его пользователей необходимо взимать соответствующую арендную плату (рентные платежи) как плату за пользование объектами общественной монополии. Эти платежи могут осуществляться в денежной и безденежной (исполнение различных повинностей, несение службы, оказание услуг и т.д.) формах. В этом случае можно отказаться от подоходных налогов, решая тем самым проблему замены налоговой составляющей бюджета рентной составляющей.

Таким образом, мы вводим частный режим (рыночный принцип) в получение общественных благ членами общества. Но так как каждый член общества имеет право на часть других неделимых ресурсов жизневоспроизводства человечества, он может «оплачивать» этой частью (социальным дивидендом — в концепции национального имущества) затраты на свое физическое и интеллектуальное социальное воспроизводство (т.е. происходит взаимный зачет). В этом случае будет присутствовать стратегическая компонента расходов на общественное благосостояние за счет природной ренты.

Если затраты превышают этот дивиденд, то человек и/или организация, заинтересованная в нем, или производят непосредственную оплату дополнительных услуг, или заключают договор получения соответствующего долгосрочного кредита с последующим его возвращением. Здесь будет присутствовать текущая компонента общественного благосостояния — личные доходы от наемного труда и предпринимательской деятельности.

При втором варианте, предполагающем расширение *концепции национального имущества*, нематериальные виды капитала признаются основным компонентом национального богатства и главным ресурсом жизнеобеспечения человечества, поэтому на них также распространяется *общественная монополия*, т.е. общество в лице государства монополизировало титул собственника (право владения) и вследствие этого получает соответствующую ренту. При этом права пользования и распоряжения, предполагающие получение соответствующего дохода от какого-либо вида деятельности, не исключаются из гражданского оборота и трудового найма. Права могут переходить от одного лица к другому в результате сделки и универсального правопреемства. Их необходимо охранять законом наравне с правами собственности на другие ресурсы (!).

В данной сфере народного хозяйства немаловажно найти оптимальное сочетание частного и общественного финансирования образования, зависящего от двух исключительно важных параметров: уровня платежеспособного спроса на образовательные услуги и уровня воспроизводства интеллектуального потенциала, необходимого для устойчивого развития общества и государства. Причем чем менее развита страна, тем менее совпадают эти два уровня. При значительном расхождении этих уровней, особенно характерном для развивающихся или реформируемых стран, в том числе и нашей страны, считается серьезной ошибкой преждевременно резко ограничить образовательные инвестиции уровнем потребительского спроса. Поэтому стимулирование частных инвестиций в образование должно быть жестко увязано с мерами, направленными на развитие массового платежеспособного спроса на образовательные услуги, а не осуществляться в ущерб ему. В противном случае общество не только разрушит уже достигнутый уровень человеческого капитала, но и резко сократит возможности его дальнейшего воспроизводства.

Основная цель подключения частных механизмов финансирования заключается не в сокращении и без того скудного общественного образовательного бюджета, но, во-первых, в изыскании дополнительных средств для пополнения образовательного бюджета в целом и, во-вторых, в создании адресной системы финансирования образования, позволяющей компенсировать фактическое неравенство образовательных возможностей. Сам же по себе резкий переход к частному образованию не только не гарантирует решения этих проблем, но может их даже усугубить. Поэтому образование в основном должно оставаться в публичном секторе с применением рыночных принципов управления воспроизводством человеческого капитала.

При сохранении недостатков современной российской системы подготовки и переподготовки кадров будет заторможено развитие прежде всего тех видов производств, которые базируются на использовании новых технологий, а также привлечении инвестиций в отечественную экономику, что будет способствовать ее еще более катастрофическому положению, ведь потеря отечественного производственно-экономического и научно-технического потенциала — это реальная угроза национальной безопасности, полная утрата технологической независимости и потеря реальных шансов на создание конкурентоспособной российской экономики.

Поэтому сейчас нам необходимо разработать и проводить четкую государственную политику в области науки и модернизации производства и всей системы формирования, развития, сохранения и эффективного использования социального, человеческого и культурного видов капитала. Причем наряду с привлечением частных инвесторов активную роль в процессе “гуманитарных инвестиций” должно играть государство, направляя деятельность и регулируя пропорции участия в этих инвестициях предприятий, самих работников и государственных финансов. В основе всей системы должен лежать принцип социальных гарантий оплаты определенного уровня социальных, в том числе образовательных, услуг.

В противном случае у нас будет расширяться зона деградации социального, человеческого и культурного видов капитала, проявляющаяся в необеспеченности доходами даже на уровне простого воспроизводства рабочей силы, депопуляции, ухудшении здоровья и саморазрушительном поведении населения, падении трудовой морали и этики, утраты или “моральном износе” квалификации и образования, отсутствии возможностей или желания получить современное образование, включая повышение квалификации и профессиональную переподготовку.

Подчеркнем, что для возрождения России ей необходимы не хаотические, точечные воздействия на отдельные институты, а системная научная концепция своего пути развития с использованием всей совокупности собственного институционального и духовного потенциала, заключающегося, в первую очередь, в ее нематериальных активах.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Еще раз подчеркнем, что первоочередной задачей является обеспечение государственного регулирования и государственного (общественного) контроля над рациональным использованием природных ресурсов, вследствие чего можно выявить средства, позволяющие в кратко- и среднесрочной перспективе увеличить инвестирование в развитие социального, человеческого и культурного видов, сохранить интеллектуальную элиту и квалифицированную рабочую силу, что позволит сформировать условия для расширенного воспроизводства человеческого капитала. Для этого нам предстоит осуществить своеобразную мобилизацию экономических и организационных ресурсов, сконцентрировав их в полюсах экономического роста (технологических, региональных и пр.).

Противоречия и негативные последствия продолжающихся реформ в России связаны не только с частными тактическими ошибками, но и с неверным выбором общей стратегии, когда развитие и максимально эффективное использование человеческих ресурсов рассматриваются в лучшем случае в качестве “побочного продукта реформ”, а в худшем — как ненужный балласт, создающий повышенную нагрузку на бюджет.

В современной экономике имеется главный источник роста — качественная составляющая социального, человеческого и культурного капитала (интеллектуальная рента), приложенная к капиталу природному (природной ренте). В случае сохранения практики их нерационального использования мир будет обречен на социальное противостояние, а большинство стран — на прогрессирующее отставание. Для эффективного использования человеческих ресурсов нужны не изолированные мероприятия, а осуществление системной государственной и межгосударственной политики в этой области, стержень которой заключается в законодательном закреплении и активном проведении в жизнь целей и системы приоритетов государственного и межгосударственного управления в сфере формирования, развития, использования и сохранения социального, человеческого и культурного капитала.

Новая (постиндустриальная) экономика, основывающаяся на знаниях, — это непременно экономика “открытых дверей”. Переход к “новой экономике” (постиндустриальному обществу) должен быть связан не только с постоянным развитием материальной составляющей социального хозяйства, но и с развитием человеческого самосознания и бережного отношения к окружающему миру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беккер Г. (1994): Экономика семьи и макроповедение // *США: экономика, политика, идеология*. № 2–3.
- Белоцерковский В. (1993): Кто не работает, тот не владеет // *Дружба народов*. № 4.
- Блауг М. (1994): Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД.
- Богданов А.А. (1989): Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Экономика.
- Васильчук Ю.А. (1991): Отношения и права собственности в эпоху НТР: Масштабы перемен // *ПОЛИС*. № 2.
- Витте С.Ю. (1997): Конспект лекций о народном и государственном устройстве, читанных его императорскому высочеству князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. Лекция 8. М.: Фонд “Начала”.
- Витте С.Ю. (1998): О труде // *Человек: образ и сущность. Совесть, труд, счастье. Ежегодник*. М.: ИНИОН.
- Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. (1999): Человеческий капитал в транзитивной экономике. СПб.: Наука.
- Дубровский В.Я., Щедровицкий Л.П. (1971): Проблемы системного инженерно-психологического проектирования. М.: МГУ.
- Дудина О.М. (1999): Социальные институты и их виды. М.: Фин. акад. при Правительстве РФ.
- Дятлов С.А. (1994): Основы теории человеческого капитала. СПб.: Санкт-Петербургский университет экономики и финансов (СПбУЭФ).
- Западная экономическая социология (2004): Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН.
- Иноземцев В.Л. (2000а): Прошлое, настоящее и будущее классового общества (попытка нетрадиционной оценки) // *Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика*. № 5.
- Иноземцев В.Л. (2000б): Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе // *Вопр. философии*. № 1.
- Капелюшников Р.И. (1977): Концепция человеческого капитала. Критика современной буржуазной политической экономии. М.: Наука.
- Капелюшников Р.И., Албегова И.М., Леонова Т.Г., Емцов Р.Г., Найт П. (1993): Человеческий капитал России – проблемы реабилитации // *Общество и экономика*. № 9–10.
- Кисилев И.Я. (1999): Сравнительное и международное трудовое право. М.: Дело.
- Клейнер Г.Б. (2004): Эволюция институциональных систем. М.: Наука.
- Лунд М. (1991): Привлекать ли рабочих к управлению // *Экономика и жизнь*. № 49.
- Львов Д.С. (2002): “Козел отпущения” за мировой грех? // *Литературная газета*. № 7.
- Львов Д.С. (2000): Экономический манифест. М.: Экономика.
- Львов Д.С., Гребенников В.Г., Устюжанина Е.В. (2001): Концепция национального имущества // *Вопр. экономики*. № 7.
- Марцинкевич В.И. (1991): США: человеческий фактор и эффективность экономики. М.: Наука.
- Нуреев Р.М. (2001): Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: ИНФРА-М.
- Овсиенко Ю.В., Полиенко М.А. (2005): О роли государства в процессе социально-экономической трансформации. М.: ЦЭМИ РАН.
- Патнэм Р. (1995): Процветающая комьюнити, социальный капитализм и общественная жизнь // *Мировая экономика и международные отношения*. № 4.
- Пацула А.В., Сухинин И.В. (2005а): Концепция управления социальными факторами экономического поведения населения региона. В сб. научных трудов “Теория и практика институциональных преобразований в России”. Вып. 5. М.: ЦЭМИ РАН.
- Пацула А.В., Сухинин И.В. (2005б): Анализ ведущих теоретических подходов к исследованию человеческого поведения // *Вестник ун-та. Сер. “Институциональная экономика”*. Государственный университет управления (ГУУ). № 1 (5).
- Пороховский А.А. (2003): Мир на рубеже тысячелетий. М.: Новый мир.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. (1996): Социальная стратификация. М.: Аспект-пресс.
- Сахаров А.Д. (1990): Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // *Вопр. философии*. № 3.
- Краснов А.Ф. (1994): Семейная медицина / Под научной ред. А.Ф. Краснова. Самара: Изд-во “Дом печати”.
- Сухинин И.В. (2005): Взаимосвязь институтов собственности и социально-трудовых отношений: опыт институционального анализа // *Вестник ун-та. Сер. “Институциональная экономика”*. № 2 (6). Государственный университет управления (ГУУ).
- Сухинин И.В. (2002): Сравнительный анализ основных научных концепций собственности // *Вестник ун-та. Сер. “Институциональная экономика”*. № 1 (3). Государственный университет управления (ГУУ).
- Сухинин И.В. (2003): Узловые проблемы общей экономической теории. Часть 2. М.: ГУУ.

- Сухинин И.В.** (2005): Человеческий капитал и общество. В кн. “*Введение в институциональную экономическую теорию*” / Под ред. Д.С. Львова. М.: Экономика.
- Тамбовцев В.Л.** (1997): Государство и экономика. М.: Магистр.
- Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество. Материалы Круглого стола // *Вопр. философии*. № 12.
- Устюжанина Е.В.** (2006): Корпоративная культура предприятия. В кн. “Модернизация российской экономики и государственное управление” / Рук. авт. коллектива А.Г. Поршнева. М.: КомКнига.
- Ходжсон Дж.** (2001): Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // *Вопр. экономики*. № 8.
- Homo institutius (2005): “Homo institutius” — человек институциональный / Под ред. О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Schultz T.** (1971): Investment in Human Capital. N.Y.: The Free Press.